

ОЦЕНКА ЛИЦА ПО РЕЧЕВОМУ ПОВЕДЕНИЮ В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Взаимодействие человека с окружающим миром, в процессе которого происходит познание и оценка мира, приводит к формированию ценностного видения мира. «У русских, как и у всех славян, – писал в свое время Н.О. Лосский, – высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще. Это выражается в обилии уменьшительных, увеличительных и уничижительных имен» [Лосский 1957: 7]. Однако не только эмоционально-экспрессивная лексика является выразителем ценностных отношений, но и стилистически нейтральная.

Цель нашей статьи – рассмотреть номинации человека по речевому поведению в говорах Ивановской области. Материалом для анализа послужили данные словарной картотеки «Человек», которая хранится на кафедре общего и славянского языкознания Ивановского государственного университета и отражает современное словоупотребление и лексический состав ивановских говоров второй половины XX – начала XXI вв., в сравнении с данными Словаря русских народных говоров (СРНГ), Ярославского областного словаря (ЯОС). Для настоящего исследования принципиально важной является позиция системного подхода к отбору и исследованию материала, исключая дифференциальный принцип и предполагающая равноправие всех языковых фактов, независимо от их общности с литературным языком. Такой подход характерен для многих весьма авторитетных работ в области диалектологии и лингвогеографии, он составляет теоретическую основу «Лексического атласа русских народных говоров».

Народному мировосприятию присуще повышенное внимание, с одной стороны, к ценностям прагматического характера (словообразовательно маркируется прежде всего оценка «важно», поскольку мир ценностей для человека это в основном мир его практической деятельности), а с другой – к антиценностям, т.е. к явлениям аномальным, воспринимаемым человеком как отрицательным. По словам Е.Л. Березович, «существует широкий спектр вербальных действий, которые отрицательно оцениваются адресатом речи: приставания с расспросами, надоедливое нытье, плач, повторение одного и того же, брюзжание, слишком громкий голос или крик» [Березович 2007: 292].

Наши материалы содержат следующие слова, отрицательно характеризующие человека по его речевому поведению (указывающие на незитетность речи) и объединенные в лексико-семантические группы: *брюзга'*, *бубни'ла*, *ворчу'н*, *дед*, *ехи'дна*, *зану'да*, *зуда'* – ‘ворчун, ворчунья’; *га'лма'н*, *гло'тка*, *горлоде'р*, *горлопа'н* (*горлопа'нка*, *горлопа'нья*), *крику'ша*, *ора'кля*, *ора'ло*, *ору'н*, *поло'хала*, *прозвоно'к*, *яга'рма* (*ляга'рма*, *ляга'рва*) – ‘крикун, скандалист’; *брязга'*, *вздо'рник* (*вздо'рница*), *жи'жа*, *здо'рник*, *сведе'нцы* (*свиде'нцы*) – ‘вздорный, сварливый человек’.

Семантической доминантой приведенной синонимической парадигмы со значением ‘ворчун, ворчунья’ является общенародное слово *ворчу'н* ‘тот, кто постоянно ворчит’ с пометой *разг.* [МАС 1: 214], мотивированное разговорным глаголом *ворча'ть* ‘сердито бормотать, выражая неудовольствие;

брюзжать' [МАС 1: 214], ср.: *Дед у них такой ворчун, бубнит и бубнит целый день* (Родниковский р-н, п. Каминский).

Значительная часть лексики, отрицательно оценивающей ворчливого человека, в ивановских говорах представлена существительными общего рода, производными от разговорных и просторечных глаголов: *брюзга'* – от глагола *брюзжа'ть* 'надоедливо ворчать, выражать неудовольствие чем-либо' [МАС 1: 119], ср.: *Не будь брюзгой, всё равно ведь дашь* (Фурмановский р-н, г. Фурманов), *Брюзга он, губошлёп, вечно не доволен, что бы кто ни сделал, ему всё не так* (Шуйский р-н, п. Колобово); *бубни'ла* – от глагола *бубни'ть* 'монотонно повторять, твердить' с пометой *разг.* [МАС 1: 120], ср.: *Эх ты, старый бубнила! Полно бубнить-то зря. И чего бубнит, сам не знает* (Шуйский р-н, п. Колобово); *зану'да* – от глагола *ну'дить* 'докучать, надоедать чем-либо' с пометой *прост.* [МАС 2: 514], ср.: *Опять он не доволен, зануда какой-то, право!* (Шуйский р-н, п. Колобово); *зуда'* (Юрьеvecкий р-н, г. Юрьеvec) – от глагола *зуде'ть* 'надоедать, докучливо приставать с чем-либо' с пометой *разг.* [МАС 1: 624].

Возраст человека отражается на его поведении, хотя сам он этого иногда не замечает. Многим пожилым людям присущи такие черты, как неприязненность, брюзжание, ворчливость, склонность всех поучать. Вероятно, поэтому как характеристика ворчливого, неуживчивого человека в ивановских говорах употребляется слово *дед*, ср.: *Ну вот, опять ворчит чего-то, как дед какой старый* (Шуйский р-н, п. Колобово).

Неодобрение выражает наименование ворчуна *ехи'дна*, ср.: *Она всё ворчит на меня, как ехидна* (Тейковский р-н, г. Тейково). В русских народных говорах зафиксированы однокоренные лексемы *ахи'д* 'злой, сварливый человек', ср.: *Так на меня ахидом и бросился* [ЯОС 1: 24], *ехи'д, ехи'дник* 'злой, ехидный человек' Волог., *ехи'да, ехи'дница* 'злая, коварная женщина' Твер., Курск., Свердлов. [СРНГ 9: 47], *ехи'дина* 'вредная, дерзкая женщина', ср.: *Ну и ехидина у меня сноха* [ЯОС 4: 38]. Данные значения, негативно оценивающие лицо, возникли на основе метафорического переноса наименования животного на человека (зооморфная метафора): *ехи'дна* 'яйцекладущее млекопитающее, покрытое иглами (водится в Австралии и на островах Тихого океана)' и 'ядовитая австралийская змея' [МАС 1: 468]. Таким образом, внешние, наиболее яркие признаки, присущие диким животным, помогают языковой личности осмыслить сложные внутренние качества человека.

Крайне отрицательно оценивается диалектоносителями человек шумный, крикливый, нарушающий спокойствие окружающих людей. В говорах Савинского района такого человека называют *га'лма'н*, ср.: *Сосед – галма'н, спасу нет; Жителей нашей деревни называли и называют га'лманы, это значит, что здесь живут люди, которые любят поорать, покричать*. Сав. [Батырева 2009: 23]. Указанное наименование зафиксировано также в воронежских, пензенских, калужских, владимирских, пермских говорах в значении 'крикливый, шумливый или болтливый человек', «чаще употребляется во множественном числе: *га'лманы*, прилагаясь к собранию, массе людей»; в свердловских – 'любитель спорить, беспричинно кричать' [СРНГ 6: 115]; в ярославских – 'крикун', ср.: *Эти галманы и уснуть не дадут* [ЯОС 3: 68].

В ряде районов Ивановской области бытуют словообразовательные синонимы, номинирующие бойкого, шумного, агрессивного человека, скандалиста, *яга́рма*, ср.: *Носится везде, как ягарма, ничего не боится; Ягарма – это баба такая агрессивная*. В.-ланд., Сав., Пест., Шуйск., Кин., *ляга́рма*, *ляга́рва*. В.-ланд. [Батырева 2009: 138]. Слово *яга́рма* встречается и в ярославских говорах как наименование вздорного, неуравновешенного человека, ср.: *Она накинулась на меня, как ягарма* [ЯОС 3: 65].

Прозрачную внутреннюю форму имеют диалектные субстантивы, характеризующие крикливого человека, *горлопа́н*, *горлопа́нка*, *горлопа́нья* и *ора́кля*, *ора́ло*, *ору́н*, мотивированные просторечным глаголом *горлопа́нить* ‘говорить, кричать или петь слишком громко, во все горло’ [МАС 1: 335] и разговорным глаголом *ора́ть* ‘издавать громкие крики, вопли, кричать’ [МАС 2: 636], ср.: *Во горлопан-то, поднял крик аж на всю деревню* (Юрьевецкий р-н, д. Щекотиха); *Кричит, как горлопан* (Лухский р-н, д. Слободки); *А жена его такая горлопанья была* (Тейковский р-н, с. Морозово); *Кто шибко орёт, горлопаном зовем; Уж така оракля, и не выскажешь: всех переорёт, слова не даст сказать; Этот орало всё настроение мне испортил; Это орун бестолковый. Только что орать и умеет, глотку драть, чёрт* (Шуйский р-н, п. Колобово).

В говорах Шуйского района человека с сильным голосом, крикливого называют *горлоде́р*, ср.: *Горлодёров-то да горлопанов у нас везде много, а толку ни от кого нет* (Шуйский р-н, п. Колобово). Данная лексема может быть связана по своей семантике с просторечным выражением *драть горло* (или *глотку*) ‘громко говорить, кричать, петь и т.п.’ [МАС 1: 444].

В результате переноса названия с части на целое образовано слово общего рода *гло́тка*, известное как ивановским, так и архангельским говорам, как наименование крикливого, шумного человека, ср.: *Ой, ты, глотка*. Арх. [СРНГ 6: 202].

Говорам Фурмановского района свойственно диалектное слово общего рода *поло́хала* ‘крикливый, беспокойный человек’, ср.: *Как полохала на всех ору* (Фурмановский р-н, г. Фурманов), фонематические варианты которого *поло́хало*, *поло́холо* хорошо известны в ярославских говорах, ср.: *Полохоло – это который кричит, закричит вот ни к чему, всполошит всех* [ЯОС 8: 53]. У В.И. Даля существительное *поло́хала* отмечено в значении ‘набатчикъ, кто бьетъ, подымаетъ полохъ; // алармистъ, пустой крикунъ; вѣщунъ худого’ [Даль 3: 339]. По своему происхождению рассматриваемая лексема может быть связана с глаголом *поло́хать* ‘тревожить, мутить, смущать, беспокоить, волновать, пугать, подымать и возбуждать, нарушать покой’ [Даль 3: 339] и существительными: укр. *поло́х* «страх», *по́лох* «ужас», блр. *по́лох* «испуг», русск.-цслав. *плахъ* «страх» [Фасмер 3: 317].

В меньшей степени выражают осуждение, порицание диалектные существительные, называющие крикливых, любящих плакать детей, в говорах Южского района – *крику́ша* и *прозвоно́к*, ср.: *А вот детки кричат, и скажешь: «Что кричишь, крикуша?»*. *Сразу тихо* (Южский р-н, г. Южа). Это связано с тем, что дети в семье считались предметом общего поклонения, нелюбимое дитя было редкостью в русском крестьянском быту. Лексема *крику́ша* восходит к общенародному слову *крик* ‘громкий, напряженный звук голоса, очень громкое восклицание’ [МАС 2: 129], встречается в говорах с разной семантикой: в костромских, ярославских – ‘крикливый человек, крикун’ [ЯОС 5: 90],

ср.: *Замолчишь ли ты? Экая ведь крикуша*. Костром. [СРНГ 15: 256]; в курских и тульских – ‘кликуша; припадочная, больная истерией женщина’; в калужских – ‘бесноватый, порченный человек’ [СРНГ 15: 256]. Во всех значениях актуализируется сема ‘беспокойство, тревога’. Семантика существительного *прозвоно* ‘к, отмеченного в новгородских говорах в значении ‘колокольчик’ [СРНГ 32: 139], отсылает нас к прилагательному *зво* ‘нкий ‘звучный, громкий, отчетливо звучащий’ [МАС 1: 602].

К разряду стилистически сниженных, отрицательно-оценочных слов в русских говорах, в том числе и ивановских, относятся существительные, характеризующие скандального, бранчливого, склонного к ссорам и ругани человека.

Так, значение ‘вздорный, ворчливый человек; брюзга’ в ивановских говорах репрезентируется существительным общего рода *брязга*’, ср.: *А соседка такая брязга, мочи нет. С мужем они недружно живут* (Тейковский р-н, г. Тейково), отмеченным с тем же значением в вологодских и тульских говорах [СРНГ 3: 227]. Среди родственных наименований известны также лексемы *брязгалы* и *брязги* ‘сплетни, споры, дразги’, ср.: *Она путается во всякие брязгалы; Ходит по гостям да все семейные брязги рассказывает*. Влад. [СРНГ 3: 228]. Зоной распространения этих однокоренных слов являются владимирские и новгородские говоры, соседние с ивановскими.

Сема ‘склонный к ссорам’ актуализирована также в родственных наименованиях с прозрачной внутренней формой – *вздо* ‘рник (*вздо* ‘рница) ‘любитель ссориться, вздорить’ (Лухский р-н, д. Слободки) и *здо* ‘рник ‘вздорный, сварливый, скандальный человек’, ср.: *Уж такой он здорник, прямо беда* (Шуйский р-н, п. Колобово); *Двое стоячих, двое ходячих, да два вздорника, два разбойника*. Казан., Перм. [СРНГ 4: 260]. Первое слово мотивировано литературным прилагательным *вздо* ‘рный ‘склонный к ссорам, сварливый’ [МАС 1: 166], ср.: *У нас была Катька – злыдня, вечно ругается. Так и кличили – вздорная, да скандальная баба* (Южский р-н, г. Южа), последнее – диалектным прилагательным *здо* ‘рный, распространенным в том числе и в псковских, тверских, вологодских, калужских, пермских говорах, ср.: *Вот ведь здорная баба! Всё время с тобой орать приходится* (Шуйский р-н, п. Колобово); *Экой у ты брат-то какой здорный!* Волог. [СРНГ 11: 233]. Кроме того, в ивановских говорах бытуют диалектные глаголы *вздо* ‘рничать ‘ссориться, браниться’ (Юрьеvecкий р-н, г. Юрьеvec) и *здо* ‘рить ‘вздорить, спорить’, ср.: *С мужем она не дружно живет, здорят всегда* (Тейковский р-н, г. Тейково), широко известный в русских говорах как в данном значении, так и в значении ‘ворчать’, ср.: *Он ударил ручкой о столик: полно, глупа, здорить (из песни); Замолчи, не здорь понапрасну* [ЯОС 4: 117]; *Полно, Маша, здорить*. Волог. [СРНГ 11: 232].

В Юрьеvecком районе для обозначения сварливого, скандального человека используется слово общего рода *жи* ‘жа, ср.: *А правильно ты про Лукьянова-то сказала, жижа он. – Так да. – А чего этого Лукьянова жижей-то зовут? – Так как же? Ворчит на всех, недоволен вечно чем-то. Вот встаёт, бывало, с утра и начнёт! Со всей деревней переругается* (Юрьеvecкий р-н, д. Щекотиха). Этим же словом в других говорах (в языке детей и при разговоре с детьми) может быть назван огонь (свечи, лампы, лучины, спички и т.п.) или что-либо горячее, обжигающее, ср.: *Не хватай лампу, а то жижа, ручка болеть будет*. Курск.; *Не трогай, жижа укусит*. Тул. [СРНГ 9: 171]. Как видим, семантика

слова *жи́жа* варьируется в русских народных говорах, но важно то, что при употреблении данного наименования актуализируется семантический компонент 'потенциальная опасность'.

Практически повсеместно в Ивановской области и в других регионах России распространены лексические единицы *сведе́нцы* (*свиде́нцы*) (редко – в форме ед.ч.), называющие тех, кто часто ссорится друг с другом (обычно о детях), ср.: *Сведенцы сошлись, теперь крик пойдёт; Перестаньте ругаться, как сведенцы; Что ты пристал к нему, как сведенец* (Палех., Шуйск., Сав., Родн., Кин., В.-ланд., Тейк., Фурм.) [Батырева 2009: 111]. По-видимому, семантика данных существительных восходит к значению слова *сведе́нец* 'сводный брат или сестра', ср.: *Спорите, как сведенцы, как неродные* (Шуйск.) [Батырева 2009: 111]; *Сведенцы – это от разных родителей дети, ведь и родные ссорятся, а сведенцы разве будут мирно жить; Как свиденцы, дерутся*. Моск. [СРНГ 36: 225]. Кроме того, в ярославских говорах лексема *свиде́нец* известна в значении 'баловень, шалун, безобразник' (о ребенке), в тверских – 'враг, соперник', ср.: *Ну вы и свиденцы, зачем оборвали зелёные яблоки*. Яросл.; *Аки свиденцы*. Твер. [СРНГ 36: 277].

Наблюдения над функционированием лексики в ивановских говорах (на примере наименований, характеризующих человека по речевому поведению) позволили убедиться в том, что значительная часть представленных лексем имеет широкое употребление как в говорах, так и в просторечии (литературный язык оказывает разрушительное воздействие на все говоры, нивелируя их); лексические единицы обладают богатыми синонимическими отношениями в гораздо большей степени, чем это свойственно литературному языку; отрицательные коннотации слов формируются посредством фокусирования внимания диалектоносителей на социально порицаемых качествах человека – ворчливости, крикливости, повышенной эмоциональной возбудимости, агрессивности, которые мешают установлению добрососедских отношений, служат препятствием к взаимопониманию между людьми.

Библиографический список

Батырева, Л.П. Лексика ивановских говоров [Текст]: учебные материалы / Л.П. Батырева. – Шуя : Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ», 2009. – 139 с.

Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура [Текст]: этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М., 2007. – 600 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб., 1903.

Картотека ЛАРНГ: словарный отдел Института лингвистических исследований РАН. – СПб.

Лосский, Н.О. Характер русского народа [Текст] / Н.О. Лосский. Кн. 2. – М., 1957. – 152 с.

МАС – Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 1-4. – М., 1985-1988.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1-43. – М., Л., СПб., 1965-2010.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986-1987.

ЯОС – Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. Т. 1-10. – Ярославль, 1981-1991.